

Людмила Чернышова

DOI 10.15290/sw.2020.20.13

Минский лингвистический университет

Переводческий факультет

Кафедра славянских языков

tel.: +375 8017 56-0441

e-mail: cherny0101@tut.by

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6272-9057>

Языковая репрезентация базовой эмоции *гнев* в русском и белорусском языках

Ключевые слова: концептуализация, концепт, метафора, базовые эмоции, гнев

Понятийная категория эмоций, как и все категории эгоцентрической направленности, имеет определенный набор признаков, позволяющих очертить ее границы и противопоставить ее другим понятиям. Категория эмоционального состояния *гнев* рассматривается как составляющая понятийной категории эмоций и, следовательно, обладает своим набором категориальных признаков.

Проанализируем и структурируем с точки зрения когнитивной модели гнева, скрытой в семантике языка, слова и выражения, используемые для описания и обозначения гнева в русском и белорусском языке, так как они представляют собой результат концептуализации феномена и являются идеальным объектом для экспликации национально-культурных смыслов.

В наивной картине мира существует собственная трактовка эмоционального и рационального. Эта трактовка очевидным образом отличается от научной, хотя, разумеется, и проецируется на нее в преобразованном виде. Здесь эмоциональное обычно противопоставляется рациональному, логическому, эмоции связаны с нормой. Нормативным эмоциональным состоянием является *спокойствие*, другие представляют собой отклонения от нормы.

Спокойствие предполагает соблюдение определенных канонов поведения, в то время как отклонения от него имеют особенности в действиях, движениях, жестах и т. п. Эмоциональное связано с беспорядком и нарушением нормальной мыслительной деятельности, волнением, возбуждением. Все эти характеристики эмоционального аспекта картины мира находят свое отражение не только в лексике, но и фразеологии, текстах, закрепляются в метафорах, так как метафора – не просто языковой троп, а важный механизм, при помощи которого люди постигают абстрактные понятия и оперируют ими.

Метафора не чисто языковое явление: она принадлежит мышлению. Думая о каком-то абстрактном понятии, мы, не осознавая того, используем более конкретные образы. Образномыслительную связь двух понятийных областей – конкретную и абстрактную – называют *концептуальной метафорой*. Некоторые метафоры присущи самим основам мышления; их называют *базовыми*. Система базовых метафор не осознается людьми, поэтому они используются, воспроизводятся и понимаются без малейших усилий [Лакофф, Джонсон 1900]. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, метафора, представляющая целевой домен как *контейнер*, или вместилище (*container metaphors*), является одной из важнейших базовых метафор. Контейнер – это пространство, отделенное границей от внешней среды, а часто и противопоставленное ей. С точки зрения языка движение внутрь контейнера – это движение в (вовнутрь); движение из контейнера – движение из (вовне). В качестве метафорических контейнеров язык рассматривает здания, помещения, машины и, конечно, человеческое тело. Тело человека – контейнер, заполненный мыслями, чувствами, эмоциями [Лакофф, Джонсон 1900].

Многие современные лингвисты считают, что существует некоторое небольшое число эмоций, которые можно рассматривать как первичные, основные, базовые. Все прочие возникают в результате их смешения. Большинство предложенных списков насчитывают от пяти до девяти эмоций. *Страх* и *гнев* отмечены во всех. Однако, сопоставив русское *сердитый* с английским *anger*, Анна Вежбицкая пришла к выводу, что это не лексические универсалии, но культурноспецифичные слова. Номинации эмоциональных состояний изучали многие лингвисты, выяснилось, что способ их интерпретации зависит от лексической сетки координат, которую дает родной язык [Вежбицкая 1999, 505].

Связь эмоции и *оценки* является одной из основных проблем при анализе эмоциональных состояний. Оценочность – это один из их признаков. В наивной картине мира оценка осуществляется народом, вы-

сказанное мнение, принявшее вид фразеологизма, часто обладает директивной функцией. По мнению Н.Д. Арутюновой, «для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека... Оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству. Оценка представляет Человека как цель, на которую обращен мир. Ее принцип: «Мир существует для человека, а не человек для мира» [Арутюнова 1999, 181].

С точки зрения анализа эмоциональных состояний очевидно, что оценочные смыслы так или иначе присутствуют как в тех лексемах, которые связаны с моральными категориями (*стыд, гордость* и др.), так и в обозначениях собственно эмоций. Так, например, *радость, наслаждение, симпатия* подразумевают переживания типа 'удовольствие', для которых характерен оценочный знак «хорошо», а *огорчение, горе, гнев*, то есть переживания типа 'неудовольствие', имеют оценочный знак «плохо» [Вольф 1989, 60]. Положительное эмоциональное воздействие получает положительный знак, а отрицательное – отрицательный. Волнение может предполагать положительную и отрицательную оценку. Напротив, спокойствие – норма эмоционального состояния само по себе содержит знак «+».

Одно из основных различий между эмоциональными состояниями проходит по признаку *интенсивности*, на котором основаны некоторые классификации, – различие между эмоциями и аффектами. Обычно различают «спокойные» и «бурные» эмоции. К «спокойным» или «слабым» эмоциям обычно относят эстетическое удовольствие и наслаждение; к «бурным» – ярость, ужас.

Прежде всего, отметим, что для интересующей нас эмоции ближайшим нормативным состоянием является *терпение/цярпенне, цярпліваць, трыванне* (в первом значении), которое характеризуется уже некоторым напряжением. Согласно словарям, *терпение* – это 1. Способность терпеть; 2. Настойчивость, упорство и выдержка в каком-нибудь деле, работе [Ожегов 1984, 707]. В белорусском слове *трыванне* уже ощущается некий небольшой сдвиг в сторону возбуждения: это способность терпеть, терпеливо переносить что-то *до определенного времени* [ТСБМ 1984, Y, 529]. То есть переход от нормы (спокойствия) к гневу (потере спокойствия, эмоции) выглядит так: *спокойствие/спакой, супакой* (норма) → *терпение/цярпенне, цярпліваць, трыванне* → *сердиться, злиться/злавацца, сердаваць, гневаться/гневацца, терять терпение/губляць цярпенне, страціць цярпліваць, знецярплівець, выходить из терпения, вывести из терпения, выразить нетерпение, терпение лопнуло/цярпенне лопнула*. Приме-

ры показывают, что интенсивность эмоции отражена в лексике и семантике фразеологизмов.

Рассмотрим синонимические ряды, возглавляемые в языках различной доминантой: в русском – *сердитый* или *сердиться*, в белорусском – *злы*, *злаваць*, *зліцца*, а также фразеологию, несущую интересующую нас сему [Александрова 2001; Клышка 2005; Молотков 1986; Лепешаў 1993]. Следует заметить, что члены русского и белорусского ряда часто являются однокоренными словами в силу родственности языков и представляют собой межъязыковые синонимы (*паралексы*): *злиться* – *зліцца*, *сердиться* – *сердаваць*, *гневаться* – *гневацца*, *бушевать* – *бушаваць*, *лютовать* – *лютаваць*, *кипеть* – *кіпець*, *вспыхивать* – *успыхваць* и др. Однако имеются специфические образования с различающимся корнем, так называемые *гетеролексы*: *возмущаться* – *абурацца*, *разъяриться*, *разъяренный* – *раз’юшыцца*, *раз’юшаны*, *раз’юрыцца*, *раз’ятраны*, *свирепеть* – *шалець*, *беситься* – *вар’явацца*. Таким образом, на лексическом уровне кроме сходства отмечаются особенности. Различия во внутренней форме слов сигнализируют об особенностях в концептуализации. Именно этимологию Ю.С. Степанов назвал наиболее древним слоем концепта [Степанов 2001, с. 43].

Глагол *сердиться*, возглавляющий русский синонимический ряд, как и белорусский *сердаваць*, по лексикографическим источникам, – быть в раздражении, гневе, чувствовать злобу к кому-нибудь [Ожегов 1984, 634; ТСБМ 1984, Y, 120]. Обе лексемы родственны существительному *сердце*, восходят к общеславянскому корню *serd* и далее – к индоевропейскому *kerd*-. Некоторые этимологи предполагают, что происхождение слов *сердце*/*сэрца* связано с литовским *sirda* – ссора. По представлениям древних, сердце – не только центр любви и дружбы, но также вместилище гнева, ярости. Отсюда изначальное значение *сърдь* – гнев, позже – сердце, а прилагательное *сърдитый* – гневный, злой [Семенов 2003]. Сведения о древних представлениях *сердце* – *центр злости, гнева* зафиксированы и в этимологическом словаре белорусского языка [ЭСБМ 2006, 11, 64].

Как утверждают многие исследования, контейнером для чувств и эмоций в русском (и белорусском) понимании является сердце, но касательно гнева можно предполагать, что со временем концептуализация изменилась: из области сердца он переместился в голову – обитель мыслей (*гнев ударил в голову*). Это отразилось в языке – образовался омоним и новое словообразовательное гнездо (*сердитый*, *сердиться*). Причем, семантическая цепочка русского современного словообразовательного гнезда *сердце* – ‘гнев’ содержит только три члена: *сердце*,

серчат и в *сердцах*. Эта сема проявлена в некоторых устаревших фразеологических единицах *держат сердце* (на кого-либо) и *приходить в сердце* ('рассердиться'). Представления о корреляции сердца и гнева стали неактуальными. Сейчас сердце неизменно соотносится с добротой и любовью.

В белорусском языке такое развитие семантики тоже ощущается: во-первых, лексема не является доминантой синонимического ряда, во-вторых, слова *сердаваць, сярдзіты, сярдзіта*, которыми и ограничивается словообразовательное гнездо, имеют гораздо меньшую функциональную активность по сравнению с лексемами *злаваць, злавацца, злы, злосны* и другими дериватами с корнем *зло*. О наличии подобного процесса свидетельствует и фразеологизм *мець сэрца* ('сердиться' на кого).

Гнев/гнеў как эмоция в обоих языках имеет знак «минус», «-», различные степени интенсивности и может доходить до аффекта, когда субъект теряет контроль над его проявлениями. Приведем примеры, подтверждающие это положение.

По данным словаря М. Фасмера, *гнев* – это общеславянское слово, образованное от той же основы, что и *гнить* [Фасмер 1986]. Развитие значения шло таким образом: *гниение, гниль, гной, яд, злоба*. Таким образом, *гневаться/гневацца, держать гнев* – значит вырабатывать в себе яд, отраву и негативно воздействовать им на окружающих. Происхождение других лексем синонимического ряда с доминантой *сердитый, сердиться/злы, злаваць, злавацца* и фразеология, описывающая это эмоциональное состояние, позволяет проследить степени его интенсивности и эксплицировать отрицательные коннотации.

Лексемы *злой/злы, злиться/злаваць, злавацца* и другие с подобной корневой морфемой свидетельствуют, что гнев связан со *злом* (по М. Фасмеру, 'черствый, бесчеловечный, надоедливый, наглый, грубый, фальшивый'). Они восходят к праславянскому **zъlъ* – плохой. Доказано, что русская лексическая единица заимствована из старославянского, где *зло* – беда, грех [Фасмер 1986].

В современных языковых единицах *злиться/злаваць, злавацца, злой, злобный – злы, злосны, злобствовать, злобиться, озлобляться, Как на зло/(Як) на злосць, Со зла/Са злосці, Испытывать злость/Адчуваць злосць, Держать зло/Мець злосць, Зло берет/Злосць бярэ, Таить злобу* и др. негация имплицитна, однако ее эксплицирует корреляция с представителями зла в синонимических глаголах и фразеологизмах: *сатанеть* (сатана), *беситься, бесноваться* (бес), *Злой как черт/Злы як чорт* (черт), *Злой как змея/Злы як змяя*

(змея). Следует упомянуть о наличии устойчивого белорусского выражения *Як на ліха*, которому соответствует русское *Как на зло*. Образ *ліха* в белорусской культуре персонифицируется и воспринимается в качестве представителя нечистой силы.

Лексика и фразеология свидетельствуют, что гнев связан с жесткостью, жестокостью. Эту сему эксплицируют лексемы *ожесточацца*, *жестокі* (корень *-жест-*) и *люты*/*люты*, *лютаваць*/*лютаваць*, восходящие к индоевропейскому **lei* – камень, скала.

Глагол *стервенеть* образован от *стерва* – по В. Далю, дохлая, палая скотина, то есть падаль, гниющее мясо [Даль 2002, 623–624]. О первоначальном значении нам напоминает номинация *стервятник* – хищная птица, питающаяся падалью.

Внутренняя форма белорусской лексемы *раз'юшыцца* содержит когнитивный сценарий – разозлиться до рукоприкладства и кровопускания. В современном белорусском языке однокоренное *юшка* имеет совершенно безобидный смысл – ‘металлический кружок в трубе; жидкий суп, подливка’, однако в четвертом значении с пометами *переносное* и *разговорное* зафиксирована первоначальная семантика ‘кровь’ [ТСБМ 1984, 5, 488], фразеология тоже ее сохранила: *Пусціць юшку* (‘подраться до крови’). Праславянское **jucha* – кровь зверя. Таким образом, *раз'юшыцца* – сначала, видимо, связанное с охотой, постепенно изменило семантику и получило значение ‘войти в состояние аффекта, до драки’ [ЭСБМ 2006, 11, 64].

Агрессия, сопровождающая гнев, легла в основу зоометафор, что, на наш взгляд, снова мотивировано необходимостью добывать пропитание охотой на зверей, изучением их повадок: *зверь*, *зверина/звер*, *зварына* и *зверына*, *звереть/зварэць*, *щетиниться*, *фыркаць*, *шипеть*, *быць в бешенстве*, *приходиться в бешенство/шалець*, *метать икру*, *остричь когти*, *иметь зуб/мець зуб*, *точить зубы/тачыць*, *вастрыць зубы*.

Концептуализация гнева, злобы также связана с огнем. Существует предположение о санскритском происхождении корня *-gn-* в слове *гнев* и соотношении с *agni* в значении ‘огонь’ [<https://nandzed.livejournal.com>].

В языковом материале частотны метафоры, основанные на повышении температуры и даже возникновении пламени в состоянии раздражения, агрессии, аффекта. Эмоции и чувства представляются в виде жидкостей, заполняющих тело-контейнер. Интенсивность эмоций соответствует их температуре. С увеличением раздражительности, злобы, гнева она повышается, жидкость может доходить до кипения

(*кипеть, кипятиться, кипеть гневом/кіпець, кіпець ад злосці*). Иногда метафора огня не связана с образом нагревающейся жидкости, но в ней тоже наблюдается степень интенсивности проявления эмоции: *горячиться, распалаться, вспыхнуть, пылать гневом, доходить (доводить) до белого каления; успыхваць, запалаяца гневам*.

Следует отметить, что такая концептуализация касается и других эмоций и чувств (*горячая любовь, жгучая ненависть, гарачая кроў, гарачая галава, п'якучае гора*), в то время как некоторые из них температуру понижают (*леденящий страх, пахаладзець ад жаху*). Кстати, в белорусском языке есть два глагола – *пахаладзець*, обозначающий эмоцию, и *пахаладнець*, обозначающий состояние [ТСБМ 1984, 4, 128].

С корреляцией гнев – огонь, сила связаны русские лексемы с корнем *-яр-*: *яриться, разъяриться*. Этимологи связывают номинацию эмоции с греческим ζωρός – огненный, сильный, несмешанный, крепкий, неразведенное вино [Фасмер 1986].

Очень, казалось бы, похожий белорусский глагол *раз'юрыцца*, и прилагательное *раз'юраны* имеют другое происхождение [ЭСБМ 2006, XI, 64]. Корень *-юр-* реализует два значения 'разгуляться' и 'разозлиться'. *Юрлівы* – похотливый. Таким образом, эмоция в проявлении свойства 'сильный' предположительно была связана с похотью. В современном белорусском языке это значение актуально. *Юр* – половой инстинкт, повышенное стремление к удовлетворению половых желаний, интересующая нас сема устарела [ТСБМ 1984, 5, 486].

Рассмотренные лексемы интересно сравнить с *юродство, юродивый/юродства, юродівы* – 'глупый, сумасшедший, неразумное поведение' и белорусскими глаголами *дурэць, вар'явацца*. *Вар'ят* – сумасшедший. Слово происходит от латинского *variare* – изменять [ТСБМ 1984, 2, 71]. Этимология указывает на корреляцию эмоции гнева с изменением нормального состояния, 'гнев, злоба – потеря ума'.

Синоним *свирепый* некоторые ученые связывают с литовским *suirpti, suirpstu* (содрогаться, ужасаться) от *suirpas* (ужас, страх), а *бушевать* – со старославянским *боуи* – дикий, буйный, помешанный (ср. *Приходить в бешенство*). Некоторые этимологи утверждают, что глагол *бушевать/бушаваць* мотивирован издаваемым при актах агрессии шумом [ЭСБМ 1978, I, 429]. Происхождение белорусского *абурацца (возмущаться)* тоже выявляет корреляцию с разрушительной деятельностью: *бурнуць, бураць* – швырять, разрушать [ЭСБМ 1978, I, 421].

Языковой материал содержит метафору *гнев – гроза* и связанные с ней природные явления. Опять же мы можем отметить проявление степени интенсивности эмоционального состояния в номинациях: *хму-*

рится (от *темный, сумрак, туча*), *мрачнее тучи, темнее тучи, возмущаться* (от *мутить*), *метать перуны/даваць перуноў* (кому), *метать громы и молнии*.

Эмоции по сути невербальны, они проявляются, в основном, в невербальных компонентах коммуникации – мимике, жестах, просодике и т.д. Языковой материал позволяет представить себе образ сердитого, гневающегося человека. Его отличает, во-первых, взгляд: *смотреть косо/глядзець коса, мець вока*, нахмуренные брови: *хмуриться*, цвет лица: *побагроветь/пачырванець, побелеть/пабялець от злости, позеленеть/пазелянець от злости*, издаваемые звуки: *шипеть, фыркать* особенности поведения: *встать с левой (не с той) ноги/устаць з левай (не з той) нагі*. В связи колоронимами хочется указать на уже устаревший, но оставшийся в белорусских диалектах глагол *раз'ятрыцца*, образованный от *ятрыць, ятрыцца* – зажигаться, краснеть [ЭСБМ 2006, XI, 65].

Аффективное состояние гнева часто сопровождают различные нелогичные и деструктивные действия, вспомним уже упоминаемые номинации *бушевать/бушаваць, абурацца*, фразеологизмы *рвать и метать, точить нож, лезці на сцяну* и др. Русское соответствие последнего фразеологизма употребляется в других обстоятельствах (*лезть на стену*, например, от боли).

Чувство злости при высокой интенсивности проявления – гнева может раздувать лицо, губы, всё тело (контейнер): *дуться, надуться, надуться как мышь на крупу, надуться как индюк, надувать губы/закапываць губы, взорваться, лопаться от злости/лопацца са злосці*.

Наш материал показывает, что метафора контейнера, чаще в русском языке, реализуется в выражениях с глаголами *выходить* и *приходить*. Состояние гнева предполагает выход из себя, из тела: *выйти из себя/выходзіць з сябе, быть вне себя, приходить в себя/прыходзіць у сябе* (кстати, отмеченное в словаре как калька с французского) или из менее эмоционального состояния: *выходить из терпения* (белорусское *страціць, губляць цярпенне*) и переходить в состояние напряжения, аффекта: *приходить в состояние раздражительности, приходить в бешенство, приходить в ярость*, другое пространство: *лезть в бутылку (пузырь)/лезці у бутэлку, пузырь, на сцяну*.

В выражении *быть не в духе* (бел. *Быць не ў гуморы, не ў настроі*), проявлена та же сема ‘быть не в себе’, отсутствовать в своем теле. Устаревшее устойчивое русское сочетание *приходить в сердце* – ‘рассердиться’, белорусская лексема *сердаваць* стали с изменением

концептуализации: перемещением гнева из сердца в голову – функционально пассивными.

Таким образом, современная русская и белорусская концептуализация гнева по сути близки. Эмоция имеет отрицательную характеристику: это деструктивная сила, способная действовать самостоятельно, жечь, разрушать, лишать ума. Однако, несмотря на большое сходство информации, полученной из фактического материала, во многом объясняющейся заимствованием в белорусский язык из русского, специфическая лексика и фразеология позволила выявить в способе интерпретации национально-культурную специфику. Она действительно зависит от лексической сетки координат, которую дает родной язык: выражения, используемые для описания и обозначения гнева в русском и белорусском языках, могут быть проанализированы и структурированы с точки зрения когнитивной модели гнева, скрытой в семантике языка.

Использование методов этимологического анализа и концептуальной метафоры дали возможность установить, что концептуализация эмоции гнева, главной эмоции, стимулирующей агрессию, в русской и белорусской культуре совпадает, при этом основными концептуальными метафорами в обоих языках являются температурная, метафоры силы, контейнера, гнева как опасного животного.

Проанализированный материал показал, что современная русская и белорусская концептуализация гнева значительно отличается от первоначальной. Анна Вежбицкая предложила следующий современный когнитивный сценарий, связанный с глаголом *сердиться*: 1. Этот человек сделал нечто плохое; 2. Я этого не хочу; 3. Из-за этого я хочу что-то сделать с этим человеком [Вежбицкая 1999, 520]. В этом сценарии *гнев – объект*, субъект – *Я*. Первоначальный когнитивный сценарий представляет *гнев как субъект* – это яд, отравы, гроза, огонь, нечто очень сильное, угрожающее самому гневающемуся большими утратами, вплоть до потери жизни.

Литература

- Aleksandrowa Z.E., 2001, *Slovar' sinonimov russskogo âzyka*, Moskva. [Александрова З.Е., 2001, *Словарь синонимов русского языка*, Москва.]
- Arutûnova N.D., 1999, *Âzyk i mir čeloveka*, Moskva. [Арутюнова Н.Д., 1999, *Язык и мир человека*, Москва.]
- Vežbickaâ Anna, 1999, *Semantičeskie universalii i opisanie âzykov*, Moskva. [Веж-

- бицкая Анна, 1999, *Семантические универсалии и описание языков*, Москва.]
- Vol'f E. M., 1989, *Emocionalânye sostoânia i ih predstavlenie v âzyke*, [w:] *Logičeskij analiz âzyka. Problemy intensional'nyh pragmatičeskikh kontekstov*, Moskva, s. 55–75. [Вольф Е.М., 1989, *Эмоциональные состояния и их представление в языке*, [w:] *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных прагматических контекстов*, Москва, s. 55–75.]
- Dal' V.I., 2002, *Tolkovuj slovar' russkogo âzyka. Sovremennâj versiiâ*. Moskva. [Даль В.И., 2002, *Толковый словарь русского языка. Современная версия*, Москва.]
- Klyška M.K., 2005, *Sloŭnik sînonimaj i blizkaznačnyh sloŭ*, Mînsk. [Клышка М.К., 2005, *Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў*, Мінск.]
- Lakoff Dž., Džonson M., 1990, *Metaforu, kotorymi my živem*, [w:] *Teoriâ metafory*, Moskva, s. 387–415. [Лакофф Дж., Джонсон М., 1990, *Метафоры, которыми мы живем*, [w:] *Теория метафоры*, Москва, s. 387–415.]
- Lepesaŭ I. Â., 1993, *Frazealogičny sloŭnik belaruskaj movy*, Mînsk. [Лепешаў І.Я., 1993, *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы*, Мінск.]
- Molotkov A.I., 1986, *Frazeologičeskij slovar' russkogo âzyka*, Moskva. [Молотков А.И., 1986, *Фразеологический словарь русского языка*, Москва.]
- Ožegov S.I., 1984, *Slovar' russkogo âzyka*, Moskva. [Ожегов С.И., 1984, *Словарь русского языка*, Москва.]
- Semenov A.V., 2003, *Ètimologičeskij slovar' russkogo âzyka*, Moskva. [Семенов А.В., 2003, *Этимологический словарь русского языка*, Москва.]
- Stepanov Ū., 2001, *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury*, Moskva. [Степанов Ю., 2001, *Константы: словарь русской культуры*, Москва.]
- ТСБМ, Tlumáčal'ny sloŭnik belaruskaj movy*, 1977–1984, t. 1–5, Mînsk. [*Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, 1977–1984, т. 1–5, Мінск.]
- Fasmer M., 1986, *Ètimologičeskij slovar' russkogo âzyka*, t. 1, Moskva. [Фасмер М., 1986, *Этимологический словарь русского языка*, т. 1, Москва.]
- ЭСБМ, Ètymalogičny sloŭnik belaruskaj movy*, 1978–2017, t. 1–14, Mînsk. [*Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, 1978–2017, т. 1–14, Мінск.]

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE BASIC EMOTION ANGER
IN RUSSIAN AND BELARUSIAN

ABSTRACT

Key words: conceptualization, concept, metaphor, basic emotions, anger

The article analyzes and structures the words and expressions used to designate and describe this emotion in the Russian and Belarusian languages from the point of view of the cognitive model of anger hidden in the semantics of the language, as they are the result of the conceptualization of the phenomenon and are the ideal object for explication of national and cultural meanings.